Литература и Искусство
МОСКВА
8 ИЮЛ 1944

1904 — НАКАНУНЕ СОРОКАЛЕТИЯ СО ДНЯ СМЕРТИ А. П. ЧЕХОВА — 1944

В. ЕРМИЛОВ

Великий Чехов

1.

«В человеке должно быть все прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли».

Эти слова доктора Астрова из пьесы «Дядя Ваня» мы нашли в записной книжке московской школьницы Зои Космодемьянской в числе самых дорогих для нее мыслей. Так Антон Павлович Чехов участвовал в формировании души народной героини, чей образ войдет в века, как образ человека, в котором все было прекрасно, как бессмертное воплощение духовной красоты и силы русского народа.

Как же случилось, что писатель, которого часть современной ему критики склонна была считать поэтом «хмурых людей», выразителем давящих, свинцово-тяжелых, переходных восьмидесятых годов, эпохи «безвременья», «малых дел», певцом тоски и отчаяния русской интеллигенции тех лет, как случилось, что этот писатель вошел в нашу героическую эпоху в качестве ее современника? И не «малые дела», а небывалые подвиги мужественных, стальных людей переплетаются с его именем!

Только наша эпоха смогла по-настоящему, в полном об'еме, прочесть и «освоить» Чехова, понять главное в нем: устремленность всего его творчества к будущему, только наша эпоха смогла до конца понять идеал Чехова, особенности его мировоззрения, его эстетики.

Слова Астрова о том, что «в человеке должно быть все прекрасно», могут быть поставлены эпиграфом к чеховскому творчеству: в них звучит лейтмотив, заключена сокровеннейшая суть всех образов, картин Чехова, всех созданных им произведений.

Чехов, как никто другой, с особенной силой выразил единство красоты и правды, эстетики и морали, прекрасного и нравственного.

Пафос социального воспитания, утверждения и отрицания, любви и ненависти был присущ ему не в меньшей мере, чем Толстому, Гоголю, Щедрину, Некрасову, Горькому и другим великим русским трибунам человечности. Воспитанный школой русской литературы, Чехов был верен всем ее коренным традициям, в том числе ее воспитательной традиции. Но он осуществлял свою социальную задачу особыми, своими способами, отличными от прямого социального «проповедничества» Толстого, Достоевского, от открытой лирико-ораторской патетики Гоголя, грозной, резкой сатиры Щедрина или гражданской лирики Некрасова. Чеховский социальный пафос был скрыт под покровом наружно-«бесстрастного», строго-об'ективного повествования. Чехов старался писать так, чтобы его авторская личность оставалась как бы «незаметной» для читателя. Но в каждом его слове, в каждой строчке билось великое сердце «одного из лучших друзей России» (Горький), и все в его произведениях было окрашено той сдержанной, но страстной лирикой, которую К. С. Станиславский и В. И. Немирович-Данченко называли «подтекстом», «подводным течением» его произведений. Об'ективное сливалось с об'ективным у Чехова, одно переходило в другое с пушкинской свободой и естественностью. Сама жизнь была главным героем его произведений, а отдельные герои выступали как частицы самого потока жизни. Горький охарактеризовал эту особенность чеховского творчества, как «глубоко человечный об'ективизм» (в статье 1900 года по поводу рассказа «В овраге»). Чехова, — писал Горький, — «упрекали в отсутствии миросозерцания. Нелепый упрек!». Горький подчеркивал, что Чехов «овладел своим представлением жизни» и освещает ее с «высшей точки зрения».

Этой «высшей точкой зрения» художника и был идеал правды и красоты, мечта о будущем и оценка с высоты будущей светлой и прекрасной жизни несправедливости, зла, уродства, которых было так много в современной Чехову действительности.

2.

Перечитывая его произведения, от юношеских рассказов Антоши Чехонте и до «Вишневого сада» и его варианта—рассказа «Невеста», мы видим замечательную стойкость, постоянство писателя в отстаивании своих главных морально-эстетических идей, слышим в богатстве и разнообразии вариантов звучание лейтмотива.

Длинной вереницей проходят перед нами чеховские герои, и мы чувствуем, что автор любит тех из них, кто связан с трудом, кто окрылен мечтой о труде творческом и свободном, и что художник презирает всех, кто чужд труду, все разновидности паразитизма.

Как никто другой в мировой литературе до Горького, Чехов явился вдохновенным поэтом труда. Все его творчество—светлая песня о труде, мечта о труде творческом, свободном, рождающем прекрасного человека. В рассказе «Враги» (1887 г.), с удивительной ясностью, с четкостью поэтической программы, Чехов высказал свой морально-эстетический кодекс. Вся красота жизни, право на лирику, поэзию, на все человеческие чувства—только у людей труда. Герой рассказа, земский врач Кирилов, говорит от имени «всех вообще рабочих», за ним читатель видит массу трудовых русских людей, с их чувством собственного достоинства, с их врожденным презрением к барству и паразитизму. Кирилов, пожилой человек, утомленный жизнью и людьми, по внешнему своему облику некрасив, угрюмоват, тяжеловат, а противопоставленный ему барин Абогин, с его обликом не то изящного дилетанта, не то свободного художника,—красавец, он похож на льва, он музицирует, он, казалось бы, «поэтичен», изящен, «лиричен». И с какой жесткою последовательностью, с каким неумолимым презрением—при всей наружной «беспристрастности»—Чехов разоблачает эту мнимую «поэтичность», внушая отвращение читателю к внешней, пустой, ложной «красоте» и раскрывая во множестве тонких деталей подлинную красоту и достоинство людей труда, и трудовой жизни!

Когда один из чеховских героев (рассказ «Студент») размышляет о том, что правда и красота правят миром, — то он высказывает заветные мысли самого художника, главное в его мировоззрении, в его «представлении жизни», в его эстетике: утверждение подлинной красоты — не той ложной «красоты», которая якобы может существовать где-то в стороне от общественной морали, от правды, — а красоты самой этой морали, самой правды. Правда красоты и красота правды — вот та «общая идея» Чехова, которой не было у героя его «Скучной истории»! И какою поистине скучной историей было искажение облика писателя частью современной ему критики — либеральной, эпигонски-народнической, — отождествлявшей героя «Скучной истории» с ее автором!

Все любимые герои Чехова убеждены в том, что только труд создает человеческую красоту. Всевозможные Абогины, Ариадны (из рассказа «Ариадна») и прочие персонажи, столь обаятельные на первый взгляд,—внутренно некрасивы, безобразны прежде всего именно потому, что они чужды труду. Доктор Астров говорит о жене профессора Серебрякова, Елене Андреевне:

«Она прекрасна, спора нет, но... ведь она только ест, спит, гуляет, чарует всех нас своей красотой—и больше ничего. У нее нет никаких обязанностей, на нее работают другие... Ведь так? А праздная жизнь не может быть чистою».

Это говорит Астров, который чувствует, что он способен увлечься Еленой Андреевной, Астров, для которого, как и для всех других любимых героев Чехова, такое огромное значение имеет красота. «Что меня еще захватывает,—говорит он о причинах своего увлечения Еленой Андреевной,—так это красота. Неравнодушен я к ней». Однако красоту Елены Андреевны он рассматривает, как неполноценную, порочную, он видит в ней нечто нечистое.

Астров—творческая, поэтическая натура. Он окрылен мечтой о светлом будущем родины, влюбленностью в труд, в красоту родной земли. Он—не только «мечтатель»: в нем чувствуется бьющий из каждой его жилки талант, неутомимая энергия большого, настоящего работника. Как и на всех чеховских героев, пошлость жизни наступает на него, и он не знает путей борьбы с нею. Но мечта о будущем, чувство красоты и правды помогают ему устоять перед грозным натиском пошлости, засасывающей таких, как Ионыч, как Андрей Прозоров из «Трех сестер».

Если обаяние Елены Андреевны рассеивается, как дым, и превращается в отвращение к пустой, внешней «красоте», то обаяние Астрова—глубокое и прочное, и сила этого обаяния связана с лирикой творческого труда, окрашивающей весь его образ. С этой лирикой, с этой мечтой связано и обаяние юной Ирины, одной из трех сестер. Тоска о труде, проникнутом поэзией, вдохновленном радостным сознанием его пользы для народа, свойственна всем любимым героям Чехова. И они все яснее чувствуют, что то время, когда «будет работать каждый», когда будет покончено с паразитизмом, со всем, что унижает труд,—что это время не так уже далеко от них! Чем ближе к девяностым, а особенно к девятисотым годам, тем все сильнее и глубже сказывается в чеховском творчестве захватывающее предчувствие близости счастья, с такою мощью выраженное в знаменитых словах, прозвучавших в «Трех сестрах»:

«Пришло время, надвигается на всех нас громада, готовится здоровая, сильная буря, которая идет, уже близка и скоро сдует с нашего общества лень, равнодушие, предубеждение к труду, гнилую скуку. Я буду работать, а через какие-нибудь двадцать пять—тридцать лет работать будет уже каждый человек. Каждый!»

Художник, обладавший поразительной социальной чуткостью, все творчество которого было открыто для будущего, отражавший в своих произведениях самый об'ективный ход русской жизни, писатель, которого ничто не удерживало в прошлом,—Чехов смог сказать пророческие слова и вместе с великим «буревестником»—Горьким чувствовать дыхание надвигающейся бури!

3.

Да, герой Чехова не знал путей борьбы за прекрасное будущее, и самая его мечта не могла отличаться уверенной ясностью горьковского героя. Если герой Горького наступал на зло и пошлость жизни, то герой Чехова скорее обороняло ся, как мог, как умел. Но все же его мечта помогала ему противостоять злу, грязи жизни. Чехов хорошо понимал необходимость борьбы за то, чтобы «перевернуть жизнь» (как говорит Саша из рассказа «Невеста»), и он сурово критиковал недостатки и слабости своих героев, разрыв между размахом их мечты и неумением реально бороться за нее. Эта критика героев сказывалась со все большею ясностью,—она сильна и в «Трех сестрах», и в ряде других произведений.

Чехов восторженно приветствовал новых героев русской жизни в лице революционного рабочего Нила, героя пьесы Горького «Мещане», он хотел, чтобы и его герои, скромные, честные люди из трудовой русской интеллигенции, отличались такою же наступательной силой, какая была присуща горьковскому герою (вспомним, как жестоко осудил Чехов доктора Рагина из «Палаты № 6» за слабость, отсутствие воли к борьбе!). Стремление к слиянию интеллигенции с народом со всей отчетливостью выразилось в таком капитальном произведении Чехова, как повесть «Моя жизнь». В ней же развивается с особенной энергией и мысль о необходимости «перевернуть жизнь» родины. «Крепостного права нет,—говорит герой повести, выражая мысли автора,—зато растет капитализм. И в самый разгар освободительных идей, так же, как во времена Батыя, большинство кормит, одевает и защищает меньшинство, оставаясь само голодным, раздетым и беззащитным...», «нужно, чтобы сильные не порабощали слабых, чтобы меньшинство не было для большинства паразитом или насосом, высасывающим из него хронически лучшие соки...»

Чехов был далек от ясного понимания общественных сил, которые могли покончить с несправедливостью и уродством жизни, построенной на эксплоатации. Но он тянулся всем существом своим к этим силам. И недаром, когда умер Антон Павлович, реакционная критика негодовала по поводу огромной популярности писателя, который, как возмущался один из черносотенцев с немецкой фамилией, принадлежал к числу «буревестников»!..

Обостренное чувство красоты, присущее чеховским героям, является вместе с тем и таким же острым чувством правды. Малейшая фальшь, ложь заставляет их страдать, как от физической боли. «Тля ест траву, ржа—железо, а лжа—душу»—это любимое присловье старика-маляра из «Моей жизни» выражает главное в чувствах и мыслях чеховского героя. Эстетическая совесть сливается с этической в творчестве Чехова. Так, по-своему, Чехов продолжил, развил те великие традиции русской литературы, которые определили ее значение, как совести человечества.

4.

Горький рассказал в своих воспоминаниях, что Л. Н. Толстой, отношение которого к Антону Павловичу, по словам Горького, было отношением нежной влюбленности, сказал Чехову: «Вот вы—русский! Да, очень, очень русский». «И,—рассказывает Горький,—ласково улыбаясь, обнял Антона Павловича за плечи».

Чехов дорог и близок нам именно тем, что он выразил в своем творчестве и в самой своей личности многие лучшие черты русского национального характера, народные идеалы, народное представление о правде и красоте, стремление к светлой, разумной жизни, русскую сдержанную, затаенную силу, которая своей затаенностью так часто вводила в заблуждение самоуверенных врагов.

Чехов гордился русской культурой и искусством. Он мог бы сказать о себе словами одного из своих героев (из рассказа «На пути»): «Я любил русский народ до страдания», «любил... его язык, творчество». «Боже мой, как богата Россия хорошими людьми!»—восклицал он в письме к сестре. В письме из Германии, сравнивая немецкую жизнь с русской, Антон Павлович писал, что в немецкой жизни «не чувствуется ни одной капли таланта ни в чем, ни одной капли вкуса». «Наша русская жизнь,—подчеркивал он,—гораздо талантливее» Когда чеховские герои думают о своей родине: «как велика, как прекрасна эта страна!» («Крыжовник»), то Чехов всей душою и мыслями с ними.

Общепризнано, что наряду с Тургеневым, Левитаном Чехов является лучшим мастером русского пейзажа. Своеобразной чертой чеховского пейзажа является то, что он всегда динамичен, весь веяни поэтической мечтой, порывом к счастью. «Какие красивые деревья и, в сущности, какая должна быть около них красивая жизнь!» («Три сестры»). В этих словах заключается художественная сущность всех картин русской природы, нарисованных Чеховым. В поэме о родине, какою является «Степь»,—в образе широкой, необ'ятной, могучей степи представала сама родина, тоскующая о счастье, о жизни, достойной ее «богатства и вдохновения», ее богатырской мощи.

О своих впечатлениях от Енисея Антон Павлович сделал следующую запись в путевом дневнике: «...на Енисее... жизнь началась стоном, а кончится удалью, какая нам и во сне не снилась... На этом берегу Красноярск, самый лучший и красивый из всех сибирских городов, а на том—горы, напомнившие мне о Кавказе, такие же дымчатые, мечтательные. Я стоял и думал: какая полная, умная и смелая жизнь осветит со временем эти берега!».

Вся русская земля страстно ждала, вместе со своим поэтом, великого дня освобождения могучих творческих сил народа, торжества правды. Рисуя лунную ночь («В овраге»), Чехов пишет: «...и все на земле только ждет, чтобы слиться с правдой, как лунный свет сливается с ночью».

Где в мировой литературе можно еще встретить такую упорную, такую страстную мелодию слияния правды и красоты, звучащую во всем, в том числе в самом пейзаже!

Все на русской земле полно было стремления слиться с правдой, и Чехов был поэтом этого стремления, непобедимой веры русского человека в победу правды.

Эта вера в близость счастья сказалась и в своеобразии чеховской сатиры. Замечательная ее особенность заключена была в том, что об'екты этой сатиры противопоставлены самому ходу жизни,—в отличие от положительных героев, выражающих движение потока жизни.

Наиболее характерные сатирические образы Чехова—унтер Пришибеев, учитель Беликов—отличаются нелепым стремлением «запретить»... самую жизнь! Оба они боятся жизни: «как бы чего не вышло»! И Пришибеев, и Беликов смешны прежде всего именно их попыткой «пресечь» движение жизни.

Конечно, они были не только смешны: они были и зловещи, страшны в своей враждебности всему живому. И все же, по сравнению с подлинной жизнью, с силой будущего, голос которого умел слышать Чехов, по сравнению с величием страны, которую они стремились держать «в футляре», — Пришибеевы и Беликовы были жалки и смешны! Рассказ «Человек в футляре», относящийся к 1898 году, был овеян тем предутренним ветром, дыхание которого спустя три года с такою мощью дало себя знать в пророческих словах о близости очистительной бури. Так, смеясь над Пришибеевыми и Беликовыми, чеховская поэзия утверждала жизнь!

5.

С каждым новым произведением тема утверждения жизни наполнялась все более зрелой силой. Последнее из крупных произведений Чехова и, быть может, наиболее гениальное из всего созданного им,—«Вишневый сад»,—было прощанием со старой жизнью, со всем отживавшим, обреченным, с временными хозяевами родной земли, с обанкротившимися дворянскими последышами—Гаевыми и Раневскими, с дельцами Лопахиными, приходящими им на смену. Образ «вишневого сада» был образом красоты и счастья самой родины, мечтою о том времени, когда вся страна превратится в цветущий сад. «Вся Россия наш сад!»—говорит Чехов устами студента Трофимова. «Прощай, старая жизнь!»—звенит в финале пьесы юный голос Ани, голос молодой России, голос Чехова. «Здравствуй, новая жизнь»—эти слова, прозвучавшие в «Вишневом саде», были, в сущности, последними словами Антона Павловича, сказанными незадолго перед его безвременной смертью, — словами по-пушкински светлого привета новому дню родины, дню ее свободы, славы, счастья!

Ему не пришлось дожить до великого дня торжества родины, «чтобы самому участвовать», как мечтает один из любимых его героев (Ярцев из повести «Три года»). Он не смог увидеть, как жизнь на его родной земле начала строиться по законам правды и красоты, как с каждым годом все прекраснее становился могучий сад родины и все сильнее звучала в нем песня свободного, творческого труда, любви и уважения к трудовому человеку. «Людей надо заботливо и внимательно выращивать, как садовник выращивает облюбованное плодовое дерево». Эти мудрые слова вождя вдохновляли на новые и новые подвиги творческого труда рабочих, крестьян, интеллигенцию страны, слившихся в единый народ. Лучшие мечты великих сынов народа становились живой действительностью.

«Какое наслаждение уважать людей!»—записал в своей записной книжке Антон Павлович.

Мы узнали это наслаждение. Все, над чем мы трудились, что строили и создавали, было вдохновлено уважением к человеку. И вместе с нами жил, работал, боролся, мечтал Чехов!

Он участвовал в моральном и эстетическом воспитании нашего народа. Ленин ценил и любил его произведения. Товарищ Сталин поставил его имя в ряду священных имен русского народа. Когда презренные «человеки в футляре», извечные враги народа, пытались «пресечь» наше движение вперед, остановить жизнь во имя смерти, Ленин и Сталин обращались к образам Чехова. Товарищ Сталин взял сатирический образ Беликова, как оружие в борьбе (в политическом отчете Центрального Комитета XVI с'езду ВКП(б), разоблачив с гениальной ясностью и простотой презренную сущность подлых агентов фашизма, с их ненавистью к жизни и страхом перед ней.

Враги Чехова были и врагами всего советского народа. «В нашей стране не любят Пришибеевых», — сказал товарищ Сталин. В нашей стране ненавидят все, принижающее человека, задерживающее его стремление к новым и новым, все более прекрасным и разумным формам жизни, ненавидят чванство, спесь и самодовольство, в нашей стране любят свет, правду, мысль, красоту, скромность, подлинной силы. И поэтому в нашей стране так любят Чехова!

Гитлеровская Германия оборвала мирный творческий труд нашей страны. Та самая бездарная и преступная неметчина, в жизни которой не было «ни одной капли таланта ни в чем, ни одной капли вкуса», десятилетиями сгущала смрад злобной зависти, звериной ненависти, глупой прусской спеси и, «воспитав» из немцев народ мучителей, обрушила всю свою дикую злобу, вместе со всей техникой ограбленной Европы, на нашу родину, поставив целью раздавить нас, уничтожить народы великой страны.

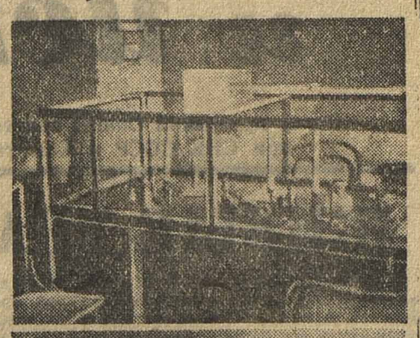
Только гитлеровцы, носители смерти, чуждые жизни, не понимающие ее законов, могли тешиться мыслью о возможности покорить такой народ. Он столетиями вынашивал благородную мечту и осуществил ее. Непобедимым было его стремление к правде. Дети, подрастая, слушали мудрые сказки стариков о правде и кривде и учились любить правду и ненавидеть ложь, которая ест душу, как «тля—траву, а ржа—железо». Нельзя победить народ, добившийся торжества своей правды! Нельзя победить народ, чьи вожди носят имена: Ленин и Сталин! Нельзя покорить народ, порождающий таких светлых, мудрых сыновей, как Антон Павлович Чехов.

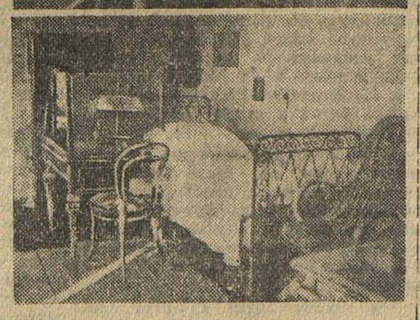
Этот народ отстоит свой прекрасный сад и насадит новые сады на месте погубленных, разрушенных врагами, он уничтожит врагов человечества—во имя правды, свободы, разума, во имя красоты человеческой жизни, во имя счастья творческого труда!

★

Художник Т. Гапоненко заканчивает работу над серией иллюстраций к книге рассказов А. П. Чехова, издаваемой Детгизом. К каждому рассказу художник сделал штриховые заставки и концовки. Большинство рассказов иллюстрируются также тоновыми рисунками.
На фото — рисунки к рассказам «Муж», «Степь» и «В овраге».

Ялта, Аутская, 65





На снимках: слева — Дом-музей А. П. Чехова в Ялте; справа — вверху — рабочий стол А. П. Чехова; внизу — спальня писателя.

«Он любил строить, разводить сады, украшать землю, он чувствовал поэзию труда». Горьковское меткое наблюдение было сделано именно здесь в Ялте, у Чехова, трогательно заботящегося о росте плодовых деревьев, о молодых кипарисах. В отдаленном домике на «Аутке» пленяет его вечнозеленая оправа, типична его комнат, собранные здесь картины и книги, своеобразное ощущение и близости, и дали неслышного здесь моря.

Жарким летним днем мы поднимаемся по камням Аутской улицы. Вот и знакомый дом, и дверь с медной дощечкой. «А. П. Чехов».

Гитлеровские бандиты, ознаменовавшие свое пребывание в Крыму варварскими разрушениями, сохранили некоторые дома, предназначавшиеся в дар фашистским чиновникам. Чеховский домик был пощажен именно по этой причине. «Доктора» из розенберговского «Особого культурштаба» собирались было прибрать к рукам чеховскую библиотеку и вывезти ее в Берлин, но этому помешало стремительное наступление Красной Армии.

Армия-освободительница спасла дом-заповедник от разграбления и поругания. Сейчас заботами ялтинских организаций и военных частей он приводится в такой же вид, какой он имел и до войны, к приезду Чехова, который, строя этот дом, говорил:

— Если бы каждый человек на куске земли своей сделал все, что он может, как прекрасна была бы земля наша!

Фото и текст Г. Геронского
(снимки сделаны в июле 1944 г.).

Т. ЩЕПКИНА-КУПЕРНИК

Из воспоминаний

Говорят, с годами мы читаем давно знакомые вещи как бы другими глазами. И правда: как, например, мы читали «Войну и мир» в 17 лет — и как читали ее в зрелом возрасте? Казалось, это два различных произведения. Так бывает и с людьми.

Я познакомилась с А. П. Чеховым в одну из самых светлых полос его жизни — в мелиховский период, и у меня было одно впечатление. Прошли года. Мы рано утратили его... И сейчас его образ совсем по-иному вспоминается мне, и по-настоящему я, конечно, поняла и оценила его только теперь.

Я познакомилась с ним в ранней молодости, — познакомилась прежде всего, как с «братом Маши», «другом Лики»—моих приятельниц—и совершенно не отдавала себе отчета в том, что передо мной был один из лучших писателей русских, человек, сказавший свое новое слово, которому суждено было сыграть такую огромную роль не только в русской, но и в зарубежной литературе. Для меня он был просто милый Антон Павлович, который относился ко мне так тепло, но как к девочке, звал Таней, дразнил меня и шутил со мной, даже похвалы свои высказывая под видом шутки: «Какие красивые стихи! Уж, конечно, вы списали их в старом журнале».

Мне казалось вполне естественным, что когда мы только собирались к утреннему завтраку, он уже возвращался с поездки к больному куда-нибудь за несколько верст, иззябший и усталый, пил чай, а потом запирался в своем кабинете и писал по нескольку часов подряд, а выходил к обеду приветливый, такой «уютный» в теплом бархатном жилете, радушный, с ласковой шуткой для всех. А иногда в жестокую вьюгу или мороз он спешно одевался и уезжал или уходил в деревню, невзирая на тревожные возгласы кроткой Евгении Яковлевны — матери его.

— Антоша, куда же ты, подожди, пока стихнет!

— Но, мамаша, дизентерия ждать не станет...

Только позже я, на расстоянии, смогла понять, что значили все эти от'езды, попутно с которыми он успевал писать такие вещи, как «Палата № 6», «Рассказ неизвестного человека», «Бабье царство», «Черный монах», «Три года», «Дом с мезонином», «Ариадна», наконец «Чайка» и пр.

Чехов никогда не говорил громких фраз о «служении народу», о «любви к меньшему брату», на какие так щедры были либеральные кружки того времени, толковавшие об этих вопросах за стаканом красного вина. «Работать надо, а все остальное к черту!—писал Чехов.—Главное, быть справедливым, а остальное приложится». И он был справедлив, и работал.

Приехав в Москву из Киева, после окончания гимназии, я отправилась навестить мою бывшую кормилицу, в деревню, близ станции Лопасня, узнала, что она больна, как тогда говорилось, чахоткой, — и, обеспокоившись, стала ее спрашивать, лечится ли она, есть ли доктор и лекарства. А она ответила мне:

— Не бойся, родимая, дохтур у нас такой, что и в Москве лучше не найти: верст за десять живет, Антон Павлович, уж такой желанный, он и лекарства все мне сам дает.

Я только позже этого случая, познакомившись с семьей Чехова и попав в Мелихово (близ Лопасни), поняла, кто был этот Антон Павлович. Он, действительно, не только лечил, но и лекарствами снабжал деревню, тратя на это значительные по его средствам суммы. В его ведении был участок в двадцать пять деревень, четыре фабрики и один монастырь,—и со всем этим он управлялся один, с помощью фельдшера, который «без него не мог сделать ни шагу», как он жаловался. Чехов принимал больных, раз'езжал по деревням, читал лекции, как бороться с холерой, сердился, убеждал, горел этим и писал друзьям: «Пока я служу — не считайте меня литератором». Но, конечно, не писать он не мог.

Он возвращался домой измученный, с головной болью, но держал себя так, точно делал пустяки, дома всех смешил и, глядя в грустные глаза своей любимой таксы Хины Марковны, уговаривал ее: «Хина Марковна, страдалица... вам ба в больницу ба-б, вам ба, там ба полегчало ба-б!».

Переселившись в Мелихово, Чехов — помимо литературного труда — целиком посвятил себя вопросам народного образования и здоровья. Ему обязаны своими школами Талиж, Новоселки и Мелихово. Он сам строил их, сам закупал материал. На его письменном столе рядом с листками последнего рассказа, исписанными его тонким, причудливым, но разборчивым почерком, лежали планы, сметы и чертежи. Он строил пожарные сараи в деревне, добился проведения шоссе от Лопасни до Мелихова, принимал деятельное участие в постройке земской больницы и пр. и пр.

Но одним уездом не ограничивалась деятельность Чехова: он был основоположником библиотеки в своем родном городе Таганроге. Начал он с того, что всю свою большую прекрасную библиотеку пожертвовал городу, оставив себе только книги для личного употребления. Не удовольствовавшись этим, он взял на себя постоянное пополнение библиотеки, так что вскоре она стала одной из лучших в провинции. Он отправлял туда целые транспорты книг как купленных, так и пожертвованных им, его знакомыми авторами и издателями. По его мысли, при библиотеке стало формироваться нечто вроде справочного бюро, где каждый мог найти все, что бы ему ни понадобилось по любым отраслям знания. Он интересовался и музеем таганрогским, подавал советы относительно его устройства и пополнения. А будучи в Париже, специально познакомился со скульптором Антокольским, чтобы заказать ему статую Петра Первого — для постановки памятника в Таганроге, и выбирал место для этого памятника. Родной город многим обязан ему.

Кипучая деятельность Чехова прекратилась только, когда роковая болезнь заставила его переселиться в Крым. Он вынужден был щадить свои физические силы; но и там—сам тяжело больной — он неустанно заботился о приезжавших туда неимущих больных, только, опять-таки, не терпел, чтобы его благодарили.

Чехов говорил: «Человек должен быть ясным умственно, чистым нравственно и опрятным физически». И он и вся его семья следовали неуклонно этому принципу. Поэтому, приезжая к Чеховым, вы всегда попадали в атмосферу настоящего труда и настоящего содружества, где легко дышалось и верилось в человека.

Часто в годы революции я думала: что бы делал теперь Чехов? Как он относился бы к великим событиям? И ответ всегда у меня был один: Чехов был русский писатель, русский гражданин, он ушел бы с головой в строительство новой жизни.

Его дар предвидения в одном обманул его—он говорил: «Меня скоро забудут... После моей смерти меня лет семь будут читать, не больше». Со дня смерти прошло не семь лет, а сорок,—а его читают, помнят и любят, и когда я вижу, как жадно слушает молодежь, если ей рассказываешь что-нибудь о Чехове, то я счастлива, что и я могу внести свою маленькую долю в то, чтобы дошел до будущего обаятельный образ Чехова, который остается для меня одним из прекраснейших воспоминаний в моей жизни.

★

Новые фильмы

К 40-летию со дня смерти А. П. Чехова на экраны кинотеатров выпускаются два новых художественных фильма — «Юбилей» и «Свадьба», поставленные по произведениям великого русского писателя.

«Юбилей» поставлен в студии Мосфильм режиссером В. Петровым. В главных ролях снимались артисты МХАТ им. Горького В. Станицын, О. Андровская, А. Зуева и В. Топорков. Оператор — В. Яковлев. Музыка к фильму написана композитором Н. Крюковым.

В картине «Свадьба», поставленной режиссером И. Анненским в Тбилисской студии, основные роли исполняют В. Марецкая, А. Грибов, Н. Коновалов, Ф. Раневская, С. Блинников, Н. Плотников, М. Яншин, Л. Свердлин, О. Абдулов, З. Федорова, Э. Гарин, С. Мартинсон. Главный оператор — Ю. Екельчик. Композитор — В. Желобинский.

Чеховские радиопрограммы

Редакция литературного вещания Всесоюзного Радиокомитета проводит с 1 по 16 июля ряд передач, посвященных творчеству А. П. Чехова. С чтением произведений великого русского писателя выступают перед микрофоном крупнейшие артисты московских театров, мастера художественного слова—В. Качалов, И. Москвин, Д. Журавлев и другие. Они исполняют рассказы «В ссылке», «Налим», «Сельские эскулапы», «Тоска», «Степь», «Дама с собачкой».

Радиопередача «Чехов в Художественном театре» начинается вступительным словом Н. Телешева. В эту передачу включены сцены из пьес «Чайка», «Дядя Ваня» и др. — в исполнении артистов МХАТ им. Горького. Кроме того будут транслироваться со сцены МХАТ второй акт «Вишневого сада» и второй акт «Трех сестер».

Две радиопрограммы составлены из инсценировок рассказов А. П. Чехова. В первой программе, включающей рассказы «Тонкий и толстый», «Гость», «Свидание хотя и состоялось, но...», участвуют О. Абдулов, П. Павленко, Р. Плятт и другие. Постановщик И. Рапопорт. Вторая программа составлена из инсценировок рассказов «Размазня», «Не в духе», «Антрепренер под диваном» в исполнении А. Горюнова и В. Бендиной.

Вечера и концерты в столице

В связи с приближающимся 40-летием со дня смерти А. П. Чехова в московских концертных залах и клубах организуются многочисленные вечера, посвященные творчеству великого русского писателя.

5 июля чеховский вечер состоялся в Московском клубе писателей. С докладом на тему «Чехов и наше время» выступил А. Дерман. Затем артист Д. Журавлев прочел рассказы «Дама с собачкой» и «Степь».

Сегодня Московская филармония организует в Октябрьском зале Дома союзов вечер из произведений А. П. Чехова в исполнении Эммануила Каминки. После вступительного слова В. Вересаева Эммануил Каминка в первый раз прочтет рассказы «Душечка», «Оратор», «Произведение искусства», «Драма» и «Трагик поневоле».

17 июля в Зале им. Чайковского Московская филармония устраивает концерт, в котором артисты Художественного театра и театра им. Вахтангова сыграют «Юбилей», «Ведьму», «Медведь» и сцену из «Дяди Вани». С чтением рассказов Чехова выступят В. Качалов, Д. Журавлев и Э. Каминка. В заключение будут исполнены трио Чайковского «Памяти великого артиста» (Л. Оборин, Д. Ойстрах, С. Кнушевицкий) и романсы Глинки и Рахманинова, любимые Чеховым.